

ОБРАЗЫ ДВУХ СТОЛИЦ В ФЕЛЬЕТОНАХ М.А. БУЛГАКОВА В «НАКАНУНЕ»

В творчестве М.А. Булгакова 1920-х годов жанр фельетона занимает довольно важное место. Многие темы и образы сатирических повестей, романов, пьес писателя прошли так сказать «апробацию» в его произведениях данного жанра. Хотя сам автор в дневниковых записях о работе в газетно-журнальной прессе, особенно в известном органе железнодорожников, высказывался категорично: ««Гудок» изводит, не дает писать» [2, с. 27], «Я каждый день ухожу на службу в этот свой «Гудок» и убиваю в нем совершенно безнадежно свой день» [2, с. 33]. Безусловно, не все булгаковские фельетоны прошли испытание временем, многое теперь представляется устаревшим, в некоторых фельетонах ощущается отсутствие авторской интенции к самовыражению, равнодушие к теме и способам ее воплощения. Тем не менее, склонность писателя к сатирическому отражению действительности, равно как и особенности индивидуально-авторского стиля (гротеск, карнавализация реальности, использование сказовой манеры), впервые ярко заявили о себе в его фельетонах. Большая часть фельетонного наследия Булгакова действительно представляет интерес и заслуживает на всестороннее изучение.

Отношение булгаковедов к фельетонам автора, их роли и месту в общем корпусе его работ, различно. Одни исследователи считают их достойным вкладом в развитие советского фельетона и сатирической литературы 1920-х годов, указывают на их непосредственное влияние на «большую» прозу писателя [5], [6], [10]. Другие – категорически отрицают данные факторы. В частности, М.О. Чудакова так отзывается о булгаковских фельетонах: в них – «не лаборатория его больших вещей, не предуготовление к большим замыслам, а скорее, наоборот, «отходы» от них, легкая эксплуатация уже найденного, уже с законченностью воплощенного в его повестях и в романе» [11, с. 178]. Суждение В.И. Немцева базируется на восприятии фельетона как жанра сугубо публицистического: «Освоенный им (Булгаковым) в начале 20-х гг. жанр – скажем, фельетон – как чистая сатира ...произведение невысокого эстетического звучания» [8, с. 64]. Согласимся с мыслью Л.Е. Кройчика о том, что не стоит преувеличивать значения творчества Булгакова-фельетониста, хотя и необходимо признать, что оно способствовало «той аккумуляции жизненных впечатлений, которые дали впоследствии и сатирические повести, и романы, и пьесы» [6, с. 112].

Издания, в которых выходили фельетоны Булгакова, многочисленны, среди них: «Голос работника просвещения», «Бакинский рабочий», «Заноза», «Смехач», «Красный перец», «Бузотер». Основной массив булгаковских фельетонов составляют тексты, впервые напечатанные в двух газетах: «Гудок» и «Накануне». В центре нашего внимания сменовеховское издание «Накануне»,

основанное в Берлине в марте 1922 года. Всего вышел 651 номер газеты, последний – 15 июня 1924 года. Газета продолжила идеологическую линию сборника «Смена вех» и одноименного журнала, издававшегося в Париже. Издание активно распространяло идеи «возвращенчества» в Советскую Россию и было инструментом внешнеполитической пропаганды большевистского государства. М.А. Булгаков публиковал фельетоны в «Накануне» на протяжении почти всего времени недолгого существования газеты: с июля 1922 года по июнь 1924-го. Основное внимание в них автор уделяет изменениям, происходящим в Москве в этот непростой для новой страны период, характеризующийся, как известно, проведением властями Новой экономической политики. Один из двадцати булгаковских фельетонов, вышедших в «Накануне», передает авторские впечатления от его поездки в родной Киев в 1923 году. Целью предлагаемой статьи является исследование образов двух столиц в наканунеевских фельетонах Булгакова.

Приступая к анализу заявленного вопроса, нам представляется необходимым коснуться проблемы отношения Булгакова к советской власти, которое было далеко не однозначным. Война и революции 1917 года перевернули некогда благополучный и счастливый быт Булгакова и его семьи, очень многое разрушили. Именно этим фактом, по замечанию П.Д. Воронкова, а также «духовно-интеллектуальным воспитанием», острыми личными впечатлениями первых революционных лет объясняется сложившаяся система взглядов молодого писателя, неприятие многих советских явлений [4]. В письме правительству (1930) Булгаков выражал «глубокий пессимизм в отношении революционного процесса, происходящего в моей отсталой стране», и противопоставлял ему идеал «излюбленной и Великой Эволюции» [1, с. 333], то есть утверждения просвещения и цивилизации. В то же время, он не отрицал большой потенциал новой власти, считал, что разрухе, порожденной Гражданской войной, только она и способна противостоять, так как в ее силах навести порядок в стране, восстановить хозяйство. Он был типичным интеллигентом и по мировоззрению, и по социальной позиции, это выделяло его из плеяды авторов, с которыми он сотрудничал в 1920-е годы в прессе. Ильф и Петров, которые были его коллегами в «Гудке», шутили о том, что Булгаков только недавно признал крестьянскую реформу 1861 года, а от него хотят, чтобы он согласился на социализм [7, с. 74]. Верно и то, что положительный социальный и морально-этический идеал писателя был так высок, что многие явления окружающей действительности отрицались им полностью. Этот идеал – в гармоничном развитии личности и общества, в торжестве идей нравственного и социального гуманизма.

Булгаков не только не считал себя сменовеховцем, но и явно отрицательно относился к этому направлению русской интеллигентской мысли. Сотрудничество в берлинской газете для него имело совсем иной смысл, чем для эмигрантов. Публикации в «Накануне» давали ему возможность расширить круг читателей, быть услышанным и за границей, т.е. не в таких узких рамках,

какими уже тогда была ограничена советская печать. Булгаков в 1920-е годы принимал советскую власть, но, если воспользоваться фразой писателя, этнографа и лингвиста В.Г. Тана-Богораза, советского гражданина, также печатавшегося в «Накануне» (позиции двух авторов сблизил Я. Лурье), «одно дело служить» этой власти, «а другое прислуживаться» [7, с. 78]. Живя в советском государстве, наблюдая различные эксцессы социально-политической и культурной жизни – то же наступление идеологии, например – Булгаков не мог до конца смириться с новым строем. Об этом красноречиво свидетельствует и авторское название его дневника 1923-1925 годов – «Под пятой». Но мысль о реставрации прошлого, о восстановлении монархии отвергалась им не менее решительно: «...по Москве ходит манифест Николая Николаевича. Черт бы взял всех Романовых! Их не хватало» [3, с. 22]. В.В. Новиков назвал отношение Булгакова к происходящему в 1920-е годы в стране «позицией страдающего интеллигента, который остро чувствует новые противоречия, ему мило прошлое с его уютом и культурой» [9, с. 34]. Писатель понимал историческую неизбежность всего нового, что несла с собой революция. Это отличает его точку зрения от сменовеховской. Он никогда не воспринимал НЭП как реставрацию капитализма, как возврат к прошлому. Первый «накануньевский» фельетон Булгакова датируется 30 июля 1922 года – это «Москва краснокаменная». Он представляет собой серию зарисовок с улиц обновляющейся после недавних катаклизмов столицы. Автор выводит и противопоставляет различные типы московских жителей. Здесь и нищие, бродяги с «зелеными горбами на ремнях» за плечами, и «красные спецы», служащие, нашедшие тепленькое местечко и пользующиеся недоступными большинству благами, и нэпманы, разъезжающие на дорогих авто. На принципе контраста базируются предлагаемые публицистом описания ярких вывесок магазинов, в которых можно найти очень многое, и плакатов с картинками голода, фотографиями умирающих детей и взрослых. Жанровая близость произведения к фельетону проявляется, прежде всего, в сатирических оттенках, то и дело возникающих в повествовании: в изображении нуворишей (один из них назван «выгоревший околыш» [3, с. 31]), равнодушных к голодающим («кто все время ел, тому непонятно» [3, с. 32]), молящихся накануне «красного праздника» о ливне, который не позволил бы выйти на улицы демонстрантам; в описаниях работы продавцов, то и дело норовящих обмануть нечастых покупателей; в сценках на транспорте – в трамваях «большую часть – ни статья, ни сесть, ни лечь» [3, с. 31], а когда «просторно», пассажиры по привычке «штурмуют пустой вагон» («Атавизм» [3, с. 31], – комментирует иронический рассказчик) и т.д. Сквозь преимущественно спокойный, констатирующий тон прорывается уверенность, что большевики утвердились надолго. Об этом свидетельствует и описание пустого постаменты, где некогда «величественно восседал тяжелый Александр III» («Грузный комод, на котором ничего нет и ничего, по-видимому, не предвидится» [3, с. 30]); и разговор двух соседок, пришедших к выводу: «На небе-то, видно, за большевиков стоят» [3, с. 33]; и

возвышенные эпитеты, сопровождающие картины пока еще незначительных достижений: «невиданный», «неслыханный», «оглушительный». Да и само название фельетона подчеркивает основательность пришедшей власти.

Писатель продолжает тему все более расцветающей Москвы в цикле «Столица в блокноте» (декабрь 1922 – март 1923). Оптимистические, иногда даже бравурные, интонации соседствуют здесь с ироническими и резко критическими наблюдениями и комментариями. В первом фельетоне серии воспеваются «бог Ремонт, вселившийся в Москву в 1922 году» [3, с. 64]. Автор описывает «чудеса» обустройства различных помещений, происходящие на его глазах, и выражает уверенность, что в следующем году уже будут строить новые здания: «Быть может, это фантазия правоверного москвича... А по моему, воля ваша, вижу – Ренессанс» [3, с. 66]. Та же «фантазия» рисует ему, что вскоре исчезнет бюрократизм: «...материи и посуда, зонтики и калоши вытеснят в конце концов плешивые чиновничьи головы начисто. Пейзаж московский станет восхитительным. На мой вкус» [3, с. 66]. Тем не менее, Булгаков признает, что процесс наведения порядка в разных сферах жизни не сиюминутен – это утверждается в девятом фельетоне цикла со знаменательным названием «Золотой век». Противопоставляя себя людям, уверенным, что «Россия прикончилась», высказывая «предчувствие, что «все образуется» и мы еще можем пожить довольно славно» [3, с. 76], публицист отвергает мысль, «что золотой век уже наступил», хотя уже и появились «великолепные ступени на лестнице, ведущей в рай» [3, с. 76]. «Боюсь, что мысль моя покажется дикой и непонятной утонченным европейцам, а то я сказал бы, что с момента изгнания семечек для меня непреложной станет вера в электрификацию поезда (150 километров в час), всеобщую грамотность и проч., что уже, несомненно, означает рай» [3, с. 77], – вполне серьезно описывает автор собственное представление об идеале, апеллируя к читательской публике на Западе. Семечки для интеллигента Булгакова символизируют дух обывательщины, мешающий развитию цивилизации и духовности, «мерзость, которая угрожает утопить нас в своей слюнявой шелухе» [3, с. 77].

В фельетоне «Сорок сороков» (апрель 1923), сосредоточенном, в первую очередь, на утверждении в период НЭПа нового сословия – советского мещанства, Булгаков с болью пишет о варварстве, допускаемом большевиками к памятникам архитектуры: «Параскева Пятница глядит печально и тускло. Говорят, что ее снесут. Это жаль. ...Часовню, что была на маленькой площади, там, где Тверская скрещивается с Охотным и Моховой, уже снесли» [3, с. 85-86]. Довольно показательное отражают пролетарское отношение к культуре «разноцветные афиши», которые описывает автор: «Судят «Санина», судят «Яму» Куприна, судят «Отца Сергия», играют без дирижера Вагнера, ставят «Землю дыбом» с военными прожекторами и автомобилями» [3, с. 86], – старое, дореволюционное отвергается либо, в лучшем случае, переосмысливается с учетом модных тенденций. Четко противопоставляются описания «двух» Больших театров: первый, «новый» возникает, когда в его

помещениях проходит съезд, функция второго – та же, что была прежде – представлять спектакли (хотя публика изменилась, здесь, опять же, «напирают» советские нувориши). «В кронштейнах вырастают красные флаги. След от сорванного орла на фронте бледнеет. Зеленая квадрага чернеет, очертания ее расплываются в сумерках. Она становится мрачной. Сквер пустеет. Цепями протягиваются непреклонные фигуры ...с винтовками. ...В переулках на конях сидят всадники в черных шлемах» [3, с. 84], – картина, изображающая Большой в дни съезда, оставляет тягостное впечатление, в подтексте угадывается и соответствующее авторское отношение.

В фельетоне «Золотистый город» (сентябрь – октябрь 1923), состоящем из 13 фрагментов, описывается сельскохозяйственная выставка: различные павильоны, цветники, выставочные залы, в которых проходят демонстрации технических новшеств и лекции. Автор, преимущественно, констатирует, чего добилась страна за такой краткий временной отрезок, прошедший после войны. Даже указывая на такую характерную деталь выставки, как встречающиеся повсюду атрибуты советской власти, свидетельствующие об уже зарождающемся культе – бюсты и портреты вождей большевистской революции («И всюду Троцкий, Троцкий, Троцкий. Черный бронзовый, белый гипсовый, костяной, всякий» [3, с. 154]; «Там знаменитый на всю Москву цветочный портрет Ленина. ...с изумительной точностью выращен из разноцветных цветов и трав громадный Ленин, до пояса. На противоположном скате отрывок из его речи» [3, с. 155]), писатель оставляет без комментариев. Элемент критики в «Золотистом городе» проявляется только в упоминании о работе транспорта (теснота в автобусах, нерегулярность в расписании движения), хотя и здесь звучит авторская уверенность, что со временем все будет организовано на должном уровне. Повествование в фельетоне, безусловно, выходит за рамки конкретного повода – экскурсия по павильонам выставки дает возможность говорить об изменениях общества и личности в эпоху «грандиозных свершений».

Булгаков выступает безусловным сторонником цивилизованного развития страны, прогресса – на этот путь как раз и нацелена новая власть. К примеру, в одном из эпизодов данного фельетона повествуется о диспуте «Трактор и электрификация в сельском хозяйстве». Профессор-агроном пытается доказать, что в настоящий момент использование трактора в земледелии преждевременно – «он ляжет тяжелым бременем на крестьянина» [3, с. 164], ему горячо возражают, доказывая обратную точку зрения, в результате посрамленный оратор произносит: «Не понимаю, почему меня называют мракобесом?» и «удаляется во тьму» [3, с. 165]. Заканчивается диспут патетическим выступлением о фантазерах: «...народ, претворивший не одну уже фантазию в действительность в последние пять изумительных лет, не остановится перед последней фантазией о машине. И добьется» [3, с. 165]. Фантазером в предлагаемом значении называет докладчик и Ленина, перевернувшего

общественное устройство страны. Так подчеркивается вера в прогрессивные перемены.

Несколько диссонирует с общим настроением завершающий абзац фельетона, в котором слышны элегические мотивы тоски по русской глубинке: «А на сцене ...десять ...владимирских рожечников высвистывают ...старинные русские песни. То станут, то заливаются дудки, и невольно встают перед глазами туманные поля, избы с лучинами, тихие заводы, сосновые суровые леса. И на душе не то печаль от этих дудок, не то какая-то неясная надежда. Обрывают дудки, обрывается мечта. И ясно гудит в последний раз гидроплан, садясь на реку... Слышен из Нескучного медный марш» [3, с. 165]. На наш взгляд, фельетонист говорит здесь о необходимости помнить о своих корнях – мечта о высокоразвитой цивилизованной стране никогда не станет явью, если будут преданы забвению духовные ценности народа.

Следующий накануневский фельетон, в котором очень важен образ обновляющейся Москвы, – «Шансон д'Эте» («Летняя песня») (август 1923). Произведение состоит из четырех зарисовок московской жизни, выполненных в юмористическом ключе. Булгаков вновь говорит о стремлении властей к цивилизованному развитию общества, при этом используется метафорический образ «грибов», появившихся, как после дождя, в столице. «Красноголовцы» – это милиционеры в новой форме, строго следящие за порядком на улицах и транспорте; «грибы невиданные: с черными головами» [3, с. 145] – продавцы сигарет от «Моссельпрома» (так горсовет вступил «в окончательный и решительный бой с уличной торговлей» [3, с. 145]; и «гриб белый» – многоэтажный дом, первая ласточка нового строительства, в котором так нуждаются московские жители. Последняя часть фельетона также описывает новое для послевоенной столицы явление, вынесенное в заголовок – «Дачники, черт бы их взял!». В иронической тональности этой зарисовки угадывается влияние Некрасова и Чехова. Булгаков, так же как и его предшественники, подшучивает над городскими жителями, потянувшимися на лоно природы. Автор противопоставляет их крестьянам: «Пейзане приняли их, как библейскую саранчу... Пейзане вставали в 3 часа утра, чтобы работать, дачники в это время ложились спать. Днем пейзане доили коров. Косили, жали, убирали, стучали топорами, дачники изнывали в деревянных клетушках, читали «Атлантиду» Бенуа, шляли под дождем в тоскливых поисках пива...» [3, с. 145-146]. Жителям деревень тоже достается от фельетониста – они ловко воспользовались растущей популярностью загородного отдыха и «сдирали» с дачников за продукты «сколько могли».

В центре фельетонного цикла «Москва 20-х годов» (май – июнь 1924) – жилищная проблема. Отталкиваясь от собственного опыта и ситуаций, в которых оказывались его знакомые, писатель показывает различные «квартирные случаи», критикует бюрократизм, равнодушное отношение чиновников к человеку, подчеркивает «неравномерное распределение благ квартирных» [3, с. 255], касается вопроса «мещанского быта». Живя в

коммунальной квартире, рассказчику приходится общаться с беспокойными соседями. Один из них – Василий Иванович, отношения с которым емко описаны в следующих фразах: «Кошмар в пиджаке и полосатых подштанниках заслонил мне солнце! Я упираюсь лбом о каменную стену, и Василий Иванович надо мной, как крышка гроба» [3, с. 250]. Насмотревшись, с какими трудностями сталкиваются одни люди и как их умудряются преодолевать другие, Булгаков выводит собственную сатирико-юмористическую «классификацию» тех, кто живет «хорошей жизнью»: «1. Имели и сумели сохранить... 2. Ничего не имели, приехали и получили. Пример: приезжает из Баку Нарцисс Иоаннович, немедленно становится председателем треста, получает две комнаты ...в казенном доме» [3, с. 256]. В финале автор предлагает «проект» решения жилищной проблемы – «Москву надо отстраивать» [3, с. 256] и мечтательно восклицает: «Москва! Я вижу тебя в небоскребах!» [3, с. 258].

Тематически и интонационно примыкает к «московской» серии фельетонов Булгакова, печатавшихся в берлинской газете, цикл фельетонных зарисовок «Киев-город» (июль 1923). Он, вероятно, был направлен на расширение представлений берлинских читателей газеты о советском государстве. Первая часть произведения является субъективно-авторским «экскурсом в область истории» [3, с. 124] древнего города – в центре события 1917 – 1921 годов, когда Киев пережил по крайней мере 14 переворотов. «Будто уэльсовская атомистическая бомба лопнула под могилами Аскольда и Дира, и в течение 1000 дней гремело и клочкотало и полыхало пламенем» [3, с. 125], – метафорически описывает Булгаков перипетии тех лет.

Спектр настроений и чувств, которые вкладывает писатель в предложенный «экскурс», очень широк. Картины довоенного бытия родной земли, проникнутые искренней любовью («Весной зацвели белым цветом сады, одевался в зелень Царский сад, солнце ломилось во все окна, зажигало в них пожары. А Днепр! А закаты! А Выдубецкий монастырь на склонах! Зеленое море уступами сбегало к разноцветному ласковому Днепру. Черно-синие густые ночи над водой, электрический крест Св. Владимира, висящий в высоте...» [3, с. 124-125]), сменяются сатирическими характеристиками участвовавших в войне политических сил: петлюровцев, немцев, поляков. Примечательно, что о большевиках упоминается лишь как о силе, поставившей точку в братоубийственной бойне: «...среди совершенно безоблачного неба советская конница грубо и буденно заехала куда-то, куда не нужно, и паны в течение нескольких часов оставили заколдованный город» [3, с. 126]. Ощущается в фельетоне и тоска по утерянному, и боль за напрасно пролитую кровь, и чувство гордости за народ, мужественно сражавшийся с немецкими интервентами. Едкой иронией пронизан следующий комментарий: «Когда небесный гром (ведь и небесному терпению есть предел) убьет всех до единого современных писателей и явится лет через 50 новый, настоящий Лев Толстой, будет создана изумительная книга о великих боях в Киеве» [3, с. 125]. Так

бегло, но исчерпывающе, передано отношение Булгакова к литературе последних лет.

Другие части «Киева-города» обрисовывают реалии 1923 года. Показывая тяжелые последствия военных действий, проявившиеся во внешнем облике города, в нравах его жителей, в состоянии коммунального хозяйства, торговли, церкви (критикуется раскол в религиозных делах – три церкви («Старая, живая и автокефальная, или украинская» [3, с. 131]), при этом сама религия отнюдь не отвергается: «Чем кончится полезная деятельность всех трех церквей, сердца служителей которых питаются злобой, могу сказать с полнейшей уверенностью: массовым отпадением верующих... и ввержением их в пучину самого голого атеизма. И повинны будут в этом не кто иные, как сами попы, дискредитировавшие в лоск не только самих себя, но самую идею веры» [3, с. 131-132], культуры (ситуацию в науке, литературе и искусстве автор характеризует одним словом: «Нет» [3, с. 133]), писатель выражает надежду, что все будет «благополучно»: «Но трепет новой жизни я слышу. Его отстроят, опять закипят его улицы, и станет над рекой, которую Гоголь любил, опять царственный город. А память о Петлюре да сгинет» [3, с. 133].

Неожиданно актуально для сегодняшнего дня звучит небольшой фрагмент фельетона под названием «Достопримечательности». Описывая вывески магазинов, различных служб, заведений, учреждений, автор поднимает языковую проблему. «Нельзя же, в самом деле, отбить в слове «гомеопатическая» букву «я» и думать, что благодаря этому аптека превратится из русской в украинскую. Нужно, наконец, условиться, как будет называться то место, где стригут и бреют граждан: «голярня», «перукарня», «цирульня» или просто-напросто «парикмахерская»» [3, с. 128], – оставаясь выразителем русской культуры, Булгаков призывает к «единообразию» и элементарной грамотности (хотя он тут же делает оговорку, что он может заблуждаться в том, какой язык должен быть в официальном обращении в Киеве: «По-украински так по-украински. Но правильно и всюду одинаково» [3, с. 128]). Злободневно для современной языковой ситуации в Украине звучит следующий пример: «Дитячий притулок» – понятно благодаря тому, что для удобства национальных меньшинств сделан тут же перевод: «Детский сад»» [3, с. 129].

Через весь цикл проходит противопоставление «Киев – Москва». Автор подчеркивает множественные отличия двух городов. В «колыбели городов русских» ощущается спокойный (особенно по контрасту с бурным лихолетьем Гражданской войны), умиротворяющий провинциальный дух: здесь не читают газет, пребывая в уверенности, «что там заключается «обман» [3, с. 131], а новости черпают из слухов; чиновники усердно выполняют свои обязанности, не занимаются распределением товаров «налево», им невдомек, «какие хваты сидят в трестах» в Москве; постановки в киевских театрах вполне традиционны – сюда не дошли веяния Мейерхольда, а «оперетка» до сих пор запрещена и т.д. Антитеза реализуется и в характеристике жителей: «Москвичи – зубастые, напористые, летающие, спешащие, американизированные. Киевляне – тихие,

медленные и без всякой американизации. Но американской складки людей любят. ...Киевляне обожают рассказы о Москве, но ни одному москвичу я не советую им что-нибудь рассказывать. Потому что, как только вы выйдете за порог, они хором вас признают лгуном. За вашу чистую правду. ...Киев такая тихая заводь теперь, темп жизни так непохож на московский, что киевлянам все это непонятно» [3, с. 129]. Булгаков явно симпатизирует своим землякам, уставшим «после страшных громыхавших лет» [3, с. 133], не спешащим включаться в строй жизни, диктуемый столицей советского государства.

Подводя итог, отметим: образы Москвы и Киева в фельетонах М.А. Булгакова, опубликованных в газете «Накануне», разноплановы. Прежде всего, автор подчеркивает положительные явления политики большевиков, борющихся с разрухой и развивающих хозяйство – все это сказывается как на внешних обликах городов, так и на жизни их жителей. В то же время сатирик подмечает негативные веяния: забвение духовности, проявляющееся в пренебрежительном отношении властей к церквям, ценным архитектурным памятникам; дух накопительства и мещанства, проникающий повсюду и влияющий на образ жизни горожан; пресловутый «жилищный вопрос», с закономерно вытекающим отсюда произволом чиновников.

Накануньевские фельетоны Булгакова разнообразны по затрагиваемым в них вопросам: мещанство, бюрократизм, злоупотребление властью, политические события, настроения в обществе. Многие произведения фельетонного жанра довольно своеобразны и даже уникальны для творчества Булгакова, как в проблемном аспекте, так и в способе его раскрытия. Комплексное изучение идейно-художественного своеобразия фельетонистики М.А. Булгакова, а также системный анализ проблемы влияния классиков русской литературы XIX – начала XX века на творческий метод фельетониста составляет перспективу разработки темы.

Литература

1. Булгаков М.А. Письмо правительству СССР / М.А. Булгаков // Булгаков М.А. Избранное. – М.: Просвещение, 1991. – С. 331-336.
2. Булгаков М.А. Под пятой / М.А. Булгаков. – М.: Издательство «Правда», 1990. – 46 с.
3. Булгаков М.А. Собрание сочинений: в 5 т. / М.А. Булгаков. – М.: Литература; Престиж книга, 2005. – Т. 5: Рассказы и фельетоны. – 560 с.
4. Воронков П.Д. Творчество М.А. Булгакова-публициста / П.Д. Воронков. – Режим доступа: http://zhurnal.lib.ru/w/woronkow_p/bulgakov1
5. Кривошейкина М.С. Жанр фельетона в журналистском творчестве М.А. Булгакова: период работы в газетах «Гудок» и «Накануне»: автореф. дис. на соискание научной степени канд. филол. наук:

- спец. 10.01.10 «Журналистика» / М.С. Кривошейкина. – Тверь, 2004. – 18 с.
6. Кройчик Л.Е. М. Булгаков – фельетонист «Гудка» / Л.Е. Кройчик // Вопросы журналистики. – Вып. 1. – Воронеж, 1969. – С. 110-122.
 7. Лурье Я.С. В краю непуганых идиотов / Я.С. Лурье. – СПб: Изд. ЕУСПБ, 2005. – 236 с.
 8. Немцев В.И. Михаил Булгаков: становление романиста / В.И. Немцев. – Самара, 1991. – 164 с.
 9. Новиков В.В. Михаил Булгаков – художник / В.В. Новиков. – М.: Моск. рабочий, 1996. – 357 с.
 10. Орлова Е.И. Автор – рассказчик – герой в фельетонах М.А. Булгакова 20-х годов / Е.И. Орлова // Филологические науки. – 1981. – № 6. – С. 24-29.
 11. Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова / М.О. Чудакова. – М.: Книга, 1988. – 672 с.

Аннотация

Комаров С.А. Образы двух столиц в фельетонах М.А. Булгакова в «Накануне».

В статье рассматриваются образы Москвы и Киева в эпоху НЭПа в фельетонах М.А. Булгакова, опубликованных в газете «Накануне». В ходе анализа автор обращает внимание на политическую позицию писателя, двойственность его восприятия большевизма, влияющую на образы двух столиц. Булгаков подчеркивает как положительные, так и негативные тенденции развития городов и характеров их жителей. Отдельно в статье описана булгаковская рецепция прошлого и настоящего родного города писателя.

Ключевые слова: фельетон, образ города, политическая позиция, НЭП, советская власть, быт.

Анотація

Комаров С.А. Образы двух столиц у фейлетонах М.А. Булгакова в «Напередодні».

У статті розглядаються образи Москви та Києва у добу НЕП у фейлетонах М.А. Булгакова, опублікованих у газеті «Напередодні». У ході аналізу автор звертає увагу на політичну позицію письменника, суперечливість його сприйняття більшовизму, яка впливає на образи двох столиць. Булгаков підкреслює як позитивні, так і негативні тенденції розвитку міст та характерів їх мешканців. Окремо у статті описана булгаковська рецепція минулого та майбутнього рідного міста письменника.

Ключові слова: фейлетон, образ міста, політична позиція, НЕП, радянська влада, побут.

Summary

Komarov S.A. Images of Two Capitals in .A. Bulgakov's feuilletons in "Nakanune".

The article highlights the images of Moscow and Kiev at the period of New economic policy in M.A. Bulgakov's feuilletons, published in "Nakanune". During an analysis the author pays attention to the writer's political position, duality of his perception of bolshevism, influencing on images of the two capitals. Bulgakov emphasizes both positive and negative progress of the cities and characters of their habitants trends. Also, Bulgakov's reception of the past and the present of his native town is described in the article.

Key-words: feuilleton, image of city, political position, New economic policy, Soviet authority, mode of life.

Стаття прорецензована и рекомендована к печати д.филол.н., профессором Фризманом Л.Г.